

Ключевые слова: фонема, фонетический значок, транскрипция, широкий вариант транскрипции, узкая транскрипция, фонетический алфавит Международной фонетической ассоциации, британский и американский варианты произношения.

SUMMARY

Baranova O. Specifics of the transcription use in contemporary pronunciation dictionaries

The article is devoted to differences in transcription use in English Pronouncing Dictionary by Daniel Jones and Longman Pronunciation Dictionary by J. C. Wells by means of comparing their specifics and systematization of deviations from Received Pronunciation.

Key words: phoneme, symbol for sound, transcription, broad transcription, narrow transcription, International Phonetic Alphabet, British and American pronunciation.

АНОТАЦІЯ

Баранова О. І. Особливості використання транскрипції у сучасних вимовних словниках

Стаття присвячена відмінностям використання транскрипції в словниках English Pronouncing Dictionary by Daniel Jones та Longman Pronunciation Dictionary by J. C. Wells шляхом порівняння їх особливостей та систематизації відхилення від нормативної англійської вимови.

Ключові слова: фонема, фонетичний значок, транскрипція, широкий варіант транскрипції, вузький варіант транскрипції, фонетичний алфавіт Міжнародної фонетичної асоціації, британський та американський варіанти вимови.

*О.Ф. Богоява
(г. Горловка)*

УДК 81.0

ПОНИМАНИЕ И ЕГО ОБРАЗ В ОБЛАСТИ КОММУНИКАЦИИ. ПОНЯТИЕ ОБРАЗА

Словари описывают более десятка значений слова «образ» и его производных, что свидетельствует о его междисциплинарном характере, и, как технический термин, оно встречается во многих науках, как традиционных, так и современных.

С философской точки образ интерпретируется как субъективный взгляд на объективность внешнего мира или

его фрагментов, в том числе представляя субъекты и людей, а также их пространственное окружение и временную последовательность событий. В этой интерпретации, образ рассматривается как одна из форм отражения, будь то вербальная или ментальная. И. В. Арнольд [1, 113–114] пишет, что «Самое важное свойство образа состоит в 'отражении мира в процессе практического его созидания, т.е. образ есть некоторая модель действительности, восстанавливающая полученную из действительности информацию в новой сущности. Верность отражения гарантируется принципом обратной связи. Возникая как отражение жизни, образ и развивается в соответствии с её реальными свойствами. Отражая мир и материализуясь в тексте, образ отделяется от художника и сам становится фактом реальной действительности. Поскольку образ не обладает обособленным от формы содержанием, то, если он не соответствует фактам жизни, это сразу же становится заметным, и художник корректирует его в соответствии с объективной реальностью».

Образы полны диалектической бинарности, такой как форма/содержание, внешний/внутренний, часть/целое, внешний вид/сущность, чувственное/логическое, конкретное/общее, непосредственное/опосредованное, индивидуальное/универсальное, случайное/регулярное, и некоторые другие. Диалектическое единство всех этих противоположностей, на которые влияют методы каждой из наук, производит образы персонажей, событий, обстоятельств, среды обитания человека и даже самого языка. Ведущие среди вышеперечисленных диалектических бинарностей в образах есть чувственное / логическое и конкретное / абстрактное. Остальные зависят от этих, и являются только косвенными.

Бинарность «чувственное/логическое» работает в соответствии с принципом, что образ, будь то художественный или иной образ, сохраняет свою целостность только при условии, что он провоцирует восприятие. Его агент должен выглядеть как сигнал, который приводит к изменению реципиента, что означает, что образ должен материализоваться. Но этот процесс не есть материализацией как таковой. Это, скорее, материализации в воображении. Без материализации нет восприятия, а где нет восприятия, нет никаких образов, кроме абсолютной логической концепции. Даже абстрактно-логические понятия теоретической науки воспринимаются лучше, если они представлены в некоторой визуальной или символической форме, например, графики, фотографии, схемы, таблицы, и, не в последнюю очередь, – некоторые из таких стилистических приёмов, как метафора, сравнения или любой другой творческий оборот речи.

Погода и Элементы являются традиционными чувственными маркерами опыта персонажей, описываемыми в терминах логических понятий. Пейзаж, как правило, несёт ту же символическую функцию. Таким образом, побережье Средиземного моря, где песок на пляже слишком сухой для детей строить песочные замки [16, 53 – 54], история детства Рейн Картер, рассказанная за обедом, приобретает новое значение в качестве центрального образа романа, фигурирующего в его названии. И песочный замок, построенный парой, и разрушенный набежавшей волной прилива, является знаком их разочарования в любви. Это не сулит никакого будущего для отношений Рейн и Мора, которые обречены на разрыв. Как героиня метафорически говорит: «Всё это как сухой песок, который высыпается сквозь пальцы» [16, с. 195].

Такие жизненно важные активы среды обитания человека, как флора и фауна, всегда работают в качестве основных носителей образа. Рейн Картер в «Замке на песке» Айрис Мердок [16, с. 195] сравнивает Мора с «растущим деревом», а себя с «птицей», так как она свободна от каких-либо обязательств, в то время как он связан семейными узами, а также полученное им перспективное предложение стать членом парламента безусловно разведёт влюблённых.

Диалектическая бинарность «конкретное / абстрактное» проявляется в том, что по правилам образы, с одной стороны, должны быть абстрактными, чтобы не сливаться с реальностью, а с другой – они не должны быть настолько абстрактными, чтобы раствориться в чистой логической концепции. Именно в этом смысле обычно говорят о «специфике образа», и в то же время, о его «общем характере». Корреляции между данными противоположностями детально проанализирована А. Ф. Лосевым [8, с. 408–452]. Возможно, хорошим примером для иллюстрации этого принципа будет язык и различные абстрактные идеи, сформированные средствами, использующимися в английской литературе абсурда, в том числе две сказки Л. Кэрролла об Алисе [12], [13]. Его языковые парадоксы и алогичности не просто смех или каламбур. Они диагностируют неизлечимую социальную болезнь путать аномалию с нормой и наоборот, что кажется немного смешным, но на самом деле не является таковым. Как сказано в одном из лимериков “Mother Goose Rhymes” [15]: “If the butterfly courted the bee, /And the owl the porcupine; /If churches were built in the sea, /And three times one was nine; /If the pony rode his master, /If the buttercups ate the oats; /If the cat had the dire disaster /To be worried, sir, by the mouse; /If mamma, sir, sold the baby /To a gipsy for half-a-crown; /If a gentleman, sir, was a lady –

*/The world would be Upside-Down! /If any of all these wonders / Should ever come about, /I should not consider them blunders, /For I should be inside-out!**

В процессе формирования образа, важная роль отводится диалектике субъективного и объективного. Возможно, это лучше наблюдать при анализе художественной коммуникации, то есть – в сопоставлении роли автора работы и ее реципиента.

В случае художественной коммуникации, писатель занимается объективизацией (кодированием) своей идеи в текстовую форму, а читатель (переводчик), как предполагается, причастен к деятельности его субъективирования (декодирования). По данным польского философа Романа Ингардена [14], тексты хранят образчики сознания своего писателя, которые затем повторяются различными способами читателем. Французский философ Поль Рикёр [17, с. 158] добавил, что чтение стало возможным благодаря тому, что тексты раскрываются на другие вещи. «Читать», пояснил он, «это ... увязать новый дискурс в дискурсе текста. Такое сочетание дискурсов показывает, в самом построении текста заложена способность к обновлению, что и подтверждает его открытый характер. Интерпретация является конкретным результатом соединения и обновления».

С психологической точки зрения понятие «образ» можно рассматривать как сознательное психическое впечатление человека от объекта, который существует в реальной действительности и воспринимается его чувствами. Говоря психологическими терминами, это отражение человеком внешней реальности с помощью полученных образов, это понимание образов, которое развивается от низшего к высшему, от ощущения к восприятию, затем к впечатлению, а затем, с приходом понимания языка, к логическому мышлению. Но на самом деле, это только идеализированная схема, которая не дает истинной картины этого явления даже в своем эволюционном или функциональном аспектах. Пожалуй, наиболее важно отметить здесь, это процессы, которые происходят, когда один этап переходит к следующему, и то, что эти этапы различаются у человека и других представителей живой природы. Ощущения, например, простейшая форма взаимодействия живого организма с окружающей средой, несомненно, будут различны у амёб, как физиологическая реакция на бытие от ощущений человека, который проявляет понимание того, что он чувствует, так как он обладает сознанием и может, в большинстве случаев, описать свои чувства словами.

Что же происходит, когда в результате ощущения от отдельных свойств объекта переходят к восприятию, которое

представляет собой синтез чувств, которые и являются предметом целостного впечатления от восприятия, и что будет, если этого не произойдет? Филолог может найти ответ, например, в “Гамлете” Шекспира, который очень метко заметил значение восприятия полноты в эпизоде, где принц обвиняет его мать-королеву в слепоте, вызванной опрометчивостью и неразборчивостью в ее согласии на брак с его преступным дядей вскоре после убийства его отца (III, 4). Представленный ниже отрывок предполагает по меньшей мере зрение, осязание, слух и запах: *“Eyes without feeling, feeling without sight, /Ears without hands or eyes, smelling sans all, /Or but a sickly part of one true sense /Could not so mope”*. [18, с. 967].

Другое особенное отличие восприятия от ощущения в том, что оно задействует понимание предмета путём обработки информации, полученной ощущениями, таким образом, это этап, когда приходит сознание. Процесс, отвечающий за целостное видение объекта, есть результат неврологической и психофизиологической синестезии – субъективные ощущения или образы чувств, отличные от тех, которые были простимулированы. Иными словами, синестезия является результатом соединения различных конкретных чувств и ощущений с ассоциативными связями, так что возбуждение одного из них вызывает реакцию со стороны других рецепторов. Например, если человек голоден, вида яблока будет достаточно, чтобы стимулировать вкус яблока и его аромат. Если человек видит ломтик лимона в стакане, он может почувствовать кислый вкус во рту, и так далее.

Словесные описания различных ощущений, в речи и литературе выделены в отдельную проблему, которая изучается.

Впечатление представляет собой более высокую ступень формирования образа, что предполагает осознание, поэтому оно является одним из средств постепенного восхождения к идее. Таким образом, режимы изображения бытия, как в разуме, так и в интуиции. Хотя впечатление и восприятие тесно связаны ролью памяти в их функционировании, их функции различны. В восприятии память выступает как предыдущий опыт, который проецируется на объект. Опыт превращает объект в образ, который формируется и преломляется через призму психологического отношения и иллюзий. Опыт также делает объекты узнаваемыми как таковые, будь то узнавание полное или неопределенное и расплывчатое, будь то более или менее верной реальной действительностью или искажённой действительностью, что более типично.

Человеческое мышление и сознание являются высшей формой отражения и интерпретации мира.

Получив дар языка, человек также получил способность рассуждать в трех основных формах: понятие, суждение и предположение. Есть много других форм, конечно, но все они являются производными от перечисленных.

Логическое мышление обеспечивает разработку научных теорий и моделирование объектов, в то время как сам процесс прогнозирования и открытий так и не изучен.

Современная научная фантастика демонстрирует счастливый союз фантазии, разума и знаний, которыми наделены её авторы с возможностью прогнозирования научно-технических достижений, таких как подводные лодки, авиация, радиация, лазер, полеты в космос, телевизор, генная инженерия и других биологических и медицинских открытий, в том числе и пагубных моральных и экологических последствий этих открытий. Кроме того, большой вклад в мировую литературу был сделан учеными, которые более известны широкой публике, как писатели (физики Даниил Гранин и Ч. П. Сноу, филолог Джон Рональд Руэл Толкин и многие другие).

Но, пожалуй, самым ярким из таких примеров является Чарльз Лютвидж Доджсон, которого весь мир знает, как Льюиса Кэрролла (1832–1898). Его пример является уникальным в том смысле, что он сделал заметный вклад в науку и литературу. Как ученый, он, как известно, на самом деле основал математическую логику – новую отрасль исследований логического мышления. Как писатель, он, руководствуясь своим опытом в этой области, создал такие символические образы для детей, которые по своей обобщающей силе напоминали формулы со многими переменными, которые было необходимо заменить константами, что в эстетическом плане это означает просто поощрение воображения детей таким образом, чтобы конкретно воздействовать на психологию их возраста и соответственное видение мира. В то же время, этот метод существенно расширил вариативность чтения его текстов, чтобы сделать их пищей для размышления для взрослых. Кэрролловские образы «Бармаглот» и “Bandersnatch” в “Алисе в Зазеркалье ...” [12, с. 49], и некоторые другие существа и монстры были придуманы писателем, что принесло трудности иллюстраторам его работ. Но не следует определять логическое мышление как сознание в целом. Сознание концептуально и эмпирически явление гораздо более сложное, чем можно подумать, в широком смысле – это участие человека в глобальном информационном поле Вселенной. Сознание в своем диалектическом взаимодействии с подсознательным хранит в своих неведомых глубинах очень много того, что человек унаследовал от остальной живой природы. Но оборотной

стороной того, что сознание несет обретение языка, является то, что животные не могут лгать, как это делают люди. Кроме того, с логической точки зрения, любые так называемые «фигуры речи», или «тропы», как, скажем, синестетические метафоры или гиперболы, являются наборами лжи. Тем не менее, использованные творчески, чтобы произвести впечатление на адресата, они то, что обычно называют «художественной правдой».

И все же, поиск образов поэтами – это бесконечные усилия передать средствами языка полный спектр чувств, переполняющих души художников, когда они создают свои шедевры. Хотя слово выражает гораздо больше, чем оно означает, это во многом связано с рациональным аспектом мышления, а не сенсорным аспектом сознания. Поэтому поэтам стыдно сказать, что они профессиональные лжецы, они остро осознают, что слово – пустая оболочка, скрывающая свои истинные намерения. Возможно, это объясняет, почему, когда в «Гамлете» (II, 2) Полоний спросил Принца, что он читает, тот ответил: «Слова, слова, слова» [17, с. 956]. И именно поэтому русский поэт Ф. И. Тютчев, в его “*Silentium*” (“*Silence*”), который был, кстати, блестяще переведен на английский язык В. Набоковым, выразил как «... мысль изреченная есть ложь» (“...a thought once uttered is untrue”). Поэтому, может быть, как выбор наименьшего из зол, поэт посоветовал нам вообще молчать: “Молчи, скрывайся и тай/И чувства и мечты свои...” (“*Speak not, lie hidden, and conceal /The way you dream, the things you feel*”).

К счастью или нет, никуда не уйти от общения на языке, на который человек обречен. Этот факт явно признали с библейских времен, и каждый знает, что сказано в Евангелии от Иоанна 1:01: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Историческая поэтика регистрирует осознание этого факта на ранних стадиях, а А. В. Михайлов [9, с. 331] пишет, что слово является лишь посредником в общении человека с Богом и миром, потому что человек, как он выразился, «не располагает прямым и непосредственным сообщением с действительностью».

Мы не только думаем, но также говорим и пишем о мышлении. Таким образом, мы создаём словесный образ нашей интеллектуальной деятельности как абстрактной идеи, поэтому наши языковые мировоззрения изобилуют понятиями и именами, относящимися к процессу. Этот факт выделяется в лексико-семантической системе языка, что составляет темы обычных разговоров, а также художественных и нехудожественных текстов. Много работ на тему этих процессов в различных языках уже завершена, хотя исследования еще продолжаются. Среди

многих, здесь достаточно назвать три наиболее значимые работы по этому вопросу В.Г. Гак [4] и М.Я. Гловинской [5], [6].

Вербальное мышление делает слова орудием власти и инструментом поведенческого контроля, что особенно эффективно в нейро-лингвистическом программировании (НЛП). Последняя методика вводит понятие “представление системы”, которая определяет язык, на котором мышление кодирует образы. По словам С.В. Ковалёва [7], НЛП – интегрированный продукт теории языка, коммуникации и мысли, связанных терапевтическим методом. Считается, что люди могут улучшить своё взаимодействие с миром с помощью определенных принципов и методов, связанных с использованием языка. Терапевтический эффект слова и текста был подробно разработан А. Б. Бушевым [2].

Сознание связывает слова и мысли с эмоциями с помощью компенсационного функционирования двух полушарий головного мозга, таким образом, мышление и эмоции, логика и чувства порой настолько тесно переплетены, что они вряд ли могут быть оторваны друг от друга. Два основных конструктивных исследования эмоций в языке – монографии Е.М Вольфа [3] и В. И. Шаховского [11].

Несколько замечаний необходимо сделать в отношении «воображения». Мы часто используем клише «иметь (яркое) воображение», «игра воображения», и так далее. Воображение, которое также называется способностью воображения, является возможностью формировать мысленные образы, ощущения и понятия, в момент, когда они не воспринимаются через зрение, слух и другие чувства. Это помогает придать значения опыту и пониманию знаний, оно является одной из основных способностей людей, посредством которой люди познают мир, а также играет ключевую роль в процессе обучения. Главная тренировка, развивающая воображение, это прослушивание и повествование, в которых точность выбранного слова является основополагающим фактором, «вызывающим миры». Благодаря способности воображать мы видим мир. Всё, чего мы касаемся, видим и слышим, сливается в единую «картинку» с помощью нашего воображения.

Термин «имидж» вошел в русский язык путём фонетического заимствования и в своем техническом смысле связан с понятием «имидж», используемым в области маркетинга и менеджмента. Это произошло благодаря развитию в этих странах и во всем постсоветском мире маркетинга, рекламы и бизнеса, что привело к семантическому расхождению «имидж-как-имидж» от «имидж-как-образ», хотя оба они иногда по-прежнему используются как

синонимы. По словам Е. А. Петровой [10, 36], «Имидж – категория, универсально применимая к любому объекту, становящемуся предметом социального познания: к реальному человеку или вымышленному персонажу (персональный имидж), социальной позиции (имидж политического деятеля), профессии (имидж юриста), малой или большой группе людей (гендерные имиджи, этнические имиджи), образованию (имидж выпускника МГУ), к торговой марке (‘Мерседес’), структуре – корпоративный имидж (организации, региона, страны), к предметам (имидж золота, брильянтов), к отдельным потребительским характеристикам материальных объектов (имидж качества)».

Как видно из цитаты определения, использование слова «образ» в имиджелогии является более широким, нежели в поэтике. Но мы должны отказаться от обсуждения понятия «образ» в этом смысле, оставляя это специалистам определённых областей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностр. языки в школе. – 1979. – № 5. – С. 10–14
2. Бушев А.Б. Языковые особенности текстов, используемых в психотерапевтической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1999. – 20 с.
3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1989. – С. 55–74.
4. Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – 176 с. – С. 22–30.
5. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
6. Гловинская М.Я. Глаголы со значением передачи информации // Язык о языке: сб. статей / Подобщ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 642 с.
7. Ковалёв С.В. Основы нейролингвистического программирования. – Москва – Воронеж: Московский Психолого-социальный институт Российской Академии образования, 2001. – 159 с.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

9. Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания / Под ред. С.С. Аверинцева. – М.: Языки культуры, 1994. – 540 с.
10. Петрова Е.А. Имиджелогия: проблемное поле и направления исследования // PR в образовании. – №1. – 2004. – С. 36–38.
11. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. – М.: Генезис, 2008. – 416 с.
12. Carroll, Lewis. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. – Moscow: Progress Publishers, 1966. – 229 p.
13. Carroll, Lewis. Alice's Adventures in Wonderland. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – 235 p.
14. Ingarden, Roman. The Literary Work of Art: an Investigation of the Border lines of Ontology, Logic and Theory of Literature. – Evanston: Northwestern University Press, 1973. – 436 p.
15. Mother Goose Rhymes. – Moscow: Raduga Publishers, 1988. – P. 449–450.
16. Murdoch, Iris. The Sandcastle. – Л.: Просвещение, 1975. – 216 с.
17. Ricœur, Paul. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. – Fort Worth: Texas Christian Press, 1976. – 437 p.
18. Shakespeare W. Hamlet, Prince of Denmark // The Complete Works of William Shakespeare (with the Temple Notes). – Cleveland and New York: The World Publishing Company. – 1173 p.

АННОТАЦИЯ

Боговая О.Ф. Понимание и его образ в области коммуникации. Понятие образа

В статье сделана попытка проанализировать механизмы понимания и дать описание понятию образа, возникающего при декодировании фактуальной или концептуальной информации текста на выходе из коммуникативной системы «автор – дискурс – читатель» в свете философии так называемой «антропоцентрической парадигмы», которая выдвигает на первый план человеческий фактор, высвечивая язык и речь не в их внешних, а как неотъемлемую часть духовного мира человека – субъекта рече-языковой деятельности.

Ключевые слова: понимание, образ, имидж.

SUMMARY

Bogovaya O. Understanding and Its Image In Communication. The Notion of the Image

This article attempts to analyse the mechanisms of understanding and to describe the concept of the image appearing in the decoding of factual or conceptual information of the text output of the

communication system, «the author - discourse - the reader» in the light of the philosophy of the so-called «anthropocentric paradigm», which highlights the human factor in the language as an integral part of the spiritual world of a man as the subject of the speech-language activity.

Key words: understanding, image.

*Н.Ю. Бондаренко
(г. Горловка)*

УДК 81'255.4

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ СФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Английский язык, как и другие языки, не мог не отреагировать на изменения в общественной жизни носителей, вызванных новыми реалиями XXI века, событиями глобального масштаба. В девяностые годы XX столетия среди главных «поставщиков» инноваций отмечали политику, СМИ и Интернет [11, с. 146], но и в начале нового столетия инновационные языковые процессы на лексико-семантическом уровне наиболее активно происходили именно в этих сферах.

Исследованием проблем словообразования посвящено много работ выдающихся лингвистов, а именно: О.С. Кубряковой, М.Я. Плюща, Г.О. Винокура, Ю.А. Зацного и других. Как известно, словообразование рассматривается как средство номинации, как средство пополнения словарного состава языка новыми словами для обозначения «возникающих явлений культуры и цивилизации или его обновление за счет все новых средств выражения» [1, с. 3]. Под словообразованием понимают правила создания речевых единиц по определенным моделям и схемам, систему способов и средств образования новых слов [2, с. 6; 7, с. 167]. «Слово образовывается определенной совокупностью отношений его компонентов (корня, аффиксов) и отношением одного слова – члена словообразовательной системы – к другому слову той же системы» [6, с. 6]. Лексическая функция словообразования, подчеркивают лингвисты, принципиально эволюционная, она направлена на изменение языка [9, с. 13]. Словообразование играет важную роль с точки зрения когнитивной лингвистики, поскольку этот процесс целиком ориентирован на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира,